

А. ПРОСЦЕНИУМЕ — очень молодой человек. Студент и начинающий поэт по спектаклю и студент и начинающий актер в жизни.

— Слушай-ка, зритель, — говорит он, — давай условимся о некоторых вещах. Предположим худшее: что ты вымотался за день, что у тебя болит печень и что тебе насильно всушили билет в этот театр — ты предпочел бы оперу или бокс. И все же я тебя должен завоевать.

Так начинается этот необычный спектакль «Сердце у меня одно».

В этом спектакле все очень молодо. Молод автор пьесы — студент педагогического института Георгий Полонский. Молоды актеры, музыканты, художники. Молод второй режиссер спектакля Джемма Фирсова. И, судя по всему этому представлению, по-хорошему молод душой постановщик этого спектакля и автор оформления Сергей Юткевич.

Если говорить о пьесе профессионально, то в ней, конечно, можно найти целую кучу недостатков. И почему-то у обоих главных героев пьесы — и у Олега, и у Ольги — есть только отцы, которых на протяжении действия оба они теряют. И сами имена — Олег и Ольга — чуть нарочиты. И традиционно гротескна тетя Олега. И не очень аргументирован тот маленький подвиг, который совершает Олег. Можно найти, вероятно, немало и других недостатков в пьесе, да и в спектакле. Но не об этом мне хочется говорить.

В пьесе Георгия Полонского подкупают ее цельность, подлинная поэтическая взволнованность, ее романтическая приподнятость и вместе с тем реалистическая бытовая правда. В пьесе и в спектакле прежде всего волнует полный, от первого до последнего момента, контакт с молодым зрительным залом придиричьим, искушенным залом московских студентов.

У нас почему-то принято считать, что для популярности среди нашей студенческой молодежи надо сочинять непременно что-то, как говорится, «с душком», нечто гниленькое, нечто фрондирующее, наполненное «полублатным» жаргончиком. Некоторые писатели старшего поколения дешават свой талант в погоне за тем, чтобы числиться «властителями дум» молодежи, ориентируясь при этом не на лучшую ее часть, порой противопоставляя молодежи старшим.

Георгию Полонскому это не нужно. Есть в пьесе отец Олега, самоснабженец, проворовавшийся торговец, в конце пьесы попадающий на скамью подсудимых. И Олег испытывает тяжелейшее горе, когда он вдруг понимает, что даже Пушкин был кудшлен им на эти присвоенные отцом деньги. Но рядом с ним в пьесе есть старый журналист Коршунов, отец Ольги, участник испанских боев, умерший от того, что он не умел беречь себя, — совесть пьесы. Есть у него друг, старый поэт (кстати, лихо написанный автором). Есть ощущение преемственности поколений, борющихся за человеческое счастье.

За последние годы по нашим театральным подмосткам прокатилась волна «тихой драматургии». Не дай бог сказать на одного громкого слова, — чтобы все было на полутонах, чтобы все, «как в жизни», чтобы все о самом земном, о самом простом, о самом маленьком. В этой драматургии было немало правды. А зритель уходил из зала, опустив плечи, чуть сторбившись. Почему? Потому, что человек на сцене остался маленьким, неинтересным, несчастным.

В спектакле Студенческого театра МГУ «Сердце у меня одно» каждая мелочь правдива. И тема пьесы — любовь, как будто очень личная, частная. И грустного в пьесе много. А люди уходят со спектакля просветлевшими, обновленными. Почему? Потому, что эта пьеса и спектакль — разговор от имени поколения. Разговор о том, что расти нелегко,

О Т И М Е Н И П О К О Л Е Н И Я

Лев ОШАНИН

Разговор о малом, которое становится большим. И разговор искренний.

Открывай!

После всех переплетов и странствий
На некрепких плечах
Я доставил опять
Неоплаченный груз
Моего постоянного.

Большинство стихов, которые пишет Олег, — грустные и полные любви, на которую нет ответа. Для Ольги он просто мальчишка, сосед по недавней парте, избравший ее темой своего стихотворства. Он должен пройти и через ревность к некоему себялюбцу и цинику Жене, оказывающему куда большим удачником, хотя и нищим, по существу, человеком.

Олегу трудно жить. Трудно прежде всего потому, что он не хочет жить по малому счету. Трудно ему, московскому городскому мальчику, и на целище, куда он попадает вместе с курсом.

Олег не лезет в герои. Но обстоятельства складываются так, что ему приходится ночью много километров тащить по степи одному запасные части, чтобы не протановала техника. Ему приходится своим телом вытаскивать солону из испортившегося копилата. Но когда он в свой срок уезжает с целины, все для него обрывается по-иному. В конце пьесы он имеет право сказать:

А если что на жатие не был.
Не знает здешний быт и труд.
Спроси меня про цену хлеба,
А то ведь в булочной соврут.

— Теперь я знаю, — говорит Олег, — я отвечаю за все.

Сердце — оно, как прибор, показывает то «ясно», то «бурко». «Липы бы не сякоты», — повторяет Олег. Сердце — оно одно: и для любви, и для времени.

Можно цитировать многие строки стихов Полонского, среди которых — немало настоящих. Можно говорить о талантливом студенте-журналисте А. Чернышеве, который играет Олега, и о таких актерских удачах, как работа В. Шестакова, играющего поэта, или, скажем, В. Чернявской, исполнившей как будто незначительную рольку девушки в капюшоне, о многих отдельных удачах и неудачах. Но мне здесь дороже всего тот удивительный ансамбль спектакля, в котором я увидел поколение, принимающее эстафету у ранних поколений комсомольцев. Пусть новое, совсем новое поколение людей, у которых за плечами десятилетка и несколько курсов институту, но таких близких тем ребятам, с которыми мне когда-то довелось участвовать в строительстве города Кировска в хибинской тундре, людей, которым хочется верить и с которыми хочется дружить.